

Только для девчонок

Мария Чепурина
Ненастоящий поцелуй

«ЭКСМО»

2009

Чепурина М. Ю.

Ненастоящий поцелуй / М. Ю. Чепурина — «Эксмо»,
2009 — (Только для девчонок)

Давным-давно Вера решила: в ее жизни будет одна-единственная, самая прекрасная любовь! Но почему-то ее никак не удавалось найти: не помогали ни собственные усилия, ни советы сестры. Вере казалось, что вторые половинки есть уже у всех, кроме нее. А потом девушка познакомилась с Мишей и поняла: вот он, тот самый парень! С ним легко, весело и интересно. Есть только одно «но»: он относится к Вере как к другу. Как же заставить его влюбиться?..

© Чепурина М. Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Чепурина

Ненастоящий поцелуй

1

Ученица и учитель

– Ну вот. Понятно, что ли? Давай следующий вопрос.
– «Вскоре после отмены крепостного права в ряде регионов России начались крестьянские бунты. Как вы думаете, чем они могли быть вызваны?»
– И чем?
– Не знаю.
– Как не знаешь!? Разбирали ведь сегодня!
– Ну не знаю...
– Е-мое...
– А! погоди! Наверно, им не нравилось, что их освободили?
– Не нравилось, что их освободили?!
– Да, а что? Привыкли жить рабами и вдруг стали сами по себе. Раньше за них барин все решал, а теперь самим думать приходится. Я слышала, у некоторых заключенных депрессия начинается, когда их из тюрьмы выпускают – до того они уже к ней привязались!.. Думаешь, Мария Юрьевна зачтет такой ответ? А? Ну что ты молчишь? И не надо смотреть на меня с таким выражением!!!

– Мдя... – Парень многозначительно ухмыльнулся. – Вы, барышня, с каждым днем удивляете меня все больше и больше! Такой интеллект, такая осведомленность – и полное отсутствие способности к анализу!

– Пф-ф-ф! Слов-то, слов-то умных! – только и смогла ответить девушка.

Учитель и ученица сидели за накрытым скатертью круглым столом, заваленным учебниками, книгами, пособиями, атласами, схемами, конспектами, листками разной степени потертости и рваности. Из открытого окна, над которым надувался, как парус, белый тюль, пахло весенней свежестью, влажной землей и молодыми листочками. Гулять было нельзя. Даже просто смотреть на улицу было нежелательно. Приближался конец учебного года, предпоследнего года школы. Исправить четверки по русскому и литературе, портившие почти полностью отличный дневник, уже не представлялось возможным; единственным способом не лишиться надежды на серебряную медаль оставалось подтянуть историю. Хлипкое «хорошо», на которое Мария Юрьевна оценила знания о прошлом человечества, на самом деле было почти тройкой. Совершить рывок на два балла всего лишь за пару недель – наверное, это было так же трудно, как заставить привыкших к рабству крестьян быть свободными.

– Что ж. Начнем с начала. Итак, барышня, прошу вас вспомнить, на каких условиях освобождалось крепостное крестьянство!

– Да ну тебя...

– Мадемуазель! Не хамите учителю!

– Хватит выпендриваться! Сам ты «мадемуазель»!

– Блин, Созонова! Вспоминай давай условия уже, кому сказал! Ты тройку хочешь?

– Ох... Во-первых, личная свобода. Это сразу. Во-вторых...

Девушка послушно начала перечислять положения Манифеста 19 февраля 1861 года. Приподнятые, как у Гагарина, уголки губ создавали впечатление, что она улыбается, несмотря на усталость. Слишком высокие и чересчур тонко выщипанные брови придавали круглому

лицу, казавшемуся из-за прямого каре еще более круглым, выражение наивно-удивленного смущения. О небольшом росте и некоторой упитанности – нет, не полноте, а именно упитанности! – сидящей за столом ученицы можно было догадаться разве что по лежащим на учебниках пухлым ручкам с короткими пальцами. Девушку звали Вера. Имя парня – рыжая шевелюра, веснушчатый нос, смешные оттопыренные уши, несколько волосинок под носом, жидкое подобие бороды и ужасно важное выражение лица – было Михаил.

– И что? – назидательно спросил он, когда перечисление положений Манифеста закончилось. – Сама бы ты не стала бунтовать в таких условиях? Объявить свободу – объявили, а пахать по-прежнему приходится на барина, да еще и оброк ему платить, пока землю не отработает! Притом, что в результате эту землю тебе еще и урежут: «лишние» участки отдадут старому хозяину, а сам – живи на шести сотках! И кормись с них как хочешь!

– Шесть соток? Погоди... Тут разве говорилось, что шесть соток? – Вера, удивившись, начала листать учебник.

– Ох, наивная вы барышня! – сказал со смехом Миша. – Я же не всерьез! Я ж фигурально! Ну? Шесть соток – это дача. Неужели вы не знаете? Ха-ха-ха!

Девушка захлопнула учебник:

– Фу-ты, ну-ты! Хватит ржать! Слышь? Хватит ржать!

Учитель хохотал.

– Все! Достаточно! Надоел! Давай учи уже!

Миша схватился за живот. Его сместило уже не столько недоразумение с шестью сотками, сколько возмущение ученицы. Без приколов и подколов, тычков и толчков, театральных интонаций и учительских поз не проходило ни одно занятие. Михаил любил выпендриться. Любил подразнить девочку. Обожал продемонстрировать свой ум. Вообще, он был оригинальный тип, этот Михаил.

С Вериной семьей он – сосед по лестничной клетке – познакомился год назад, вскоре после переезда Созоновых в теперешнюю квартиру. Он просто гулял возле дома, когда новым жильцам привезли только что купленный шкаф, и вызвался помочь его тащить – совершенно неожиданно и совершенно бесплатно. «Я и не думал, что в наше время еще остались такие отзывчивые молодые люди», – говорил тем вечером папа. «Хороший, только жаль, что такой страшенький», – добавляла Верина сестра Кира, ложась спать. Сначала оказалось, что Миша живет в одном доме с Созоновыми, потом, что в одном подъезде, потом, что на одном этаже. После таких новостей помощника нельзя было не пригласить в гости. Он согласился и безо всякого стеснения гонял чай до самой темноты, на равных держась с Вериными предками и рассуждая о «феодальной формации» и «колониальном империализме». Только часа через два Вере стало понятно, что новый знакомый имеет в виду что-то из истории.

Через пару недель она узнала, что Миша живет с матерью, которая нередко уезжает в длительные командировки, оставляя его одного, охотно называет себя по отчеству – Вениаминович, любит гулять по ночам, готов прийти на помощь кому угодно, крутится во взрослых компаниях, иногда по неделе не выходит из дому и больше всего на свете увлечен исторической реконструкцией. Время от времени Мишу видели с муляжом старинного меча, один раз даже засекли в средневековом костюме. Соседи считали паренька хорошим, но странным; относились с добротой, но предпочитали держаться на расстоянии.

Почти всегда Михаил был в окружении девчонок: фехтовал с ними в парке, галантно целовал ручки, смешил и часами просиживал на веранде ближайшего детского садика в компании четырех-пяти ровестниц. «Видела, каков? – с удивлением говорила сестра. – Ушастый, рыжий и при этом ловелас! Крутит сразу с несколькими! Никогда таких не встречала! И чего в нем находят?» Вера тоже поражалась успеху соседа: поражалась до тех пор, пока Миша, как обычно сидевший с кучкой подруг, не заметил ее во дворе и не махнул рукой, приглашая присоединиться. Вера подошла, пристроилась на скамейке и вскоре разгадала загадку галантного

обольстителя. Подруги говорили с ним об истории, о прежних и грядущих реконструкциях, о веселых тусовках, об общих знакомых и... своих бойфрендах. Они вели себя с ним как с девчонкой. Миша находился в женском окружении не вопреки своей неказистой внешности, а из-за нее: похоже, что девушки просто не воспринимали его как парня.

Вскоре и Вера с Кирой усвоили такую манеру. Сестра, хотя ей было уже двадцать, не гнушалась поделиться с шестнадцатилетним мальчишкой своими любовными переживаниями. «Умеет поддержать, неглупый парень, – объясняла она Вере. – Хотя страшненький. Теперь он как подружка мне». «И не обидно ему так жить?» – удивлялась про себя младшая Созонова. Но Миша, похоже, совершенно не тяготился своим положением «не-мальчика». Он гордился знанием женской психологии, покровительственным тоном намекал девчонкам, что читает их мысли, и при всякой возможности спешил известить подругу о потекшей туши или посыпавшейся штукатурке.

Грядущее поступление на исторический факультет было для Михаила вопросом решенным. И к кому же, как не к нему, было обратиться, когда из-за «дел давно минувших дней» под угрозой оказалась Верина медаль! Обожающий играть роль учителя, Миша согласился быстрее, чем его успели толком попросить. Никаких денег он, разумеется, не потребовал: «Это мне и самому полезно будет, – сказал рыжий. – Повторение – мать учения». Теперь Михаил каждый день сидел за круглым столом Вериных родителей и тренировал свои преподавательские способности.

– ...Он, значит, едет, а эти стоят вдоль дороги все четверо с бомбами! Карета подъехала к первому. Девушка машет платком – мол, бросай! Первый струсил. Царь катится дальше. Она машет снова. Второй кинул бомбу. Бабах! – Вера пересказывала Михаилу не сюжет недавно увиденного боевика, а историю убийства царя Александра II. – Дым, грохот, все дела... А царь живой! Ему кричат: спасайтесь, быстро дуйте во дворец! А он: сейчас, только окажу первую помощь пострадавшим! И тут третий с бомбой подбегает... Это нам Мария Юрьевна хорошо рассказала, я с первого раза запомнила!

– Ну вот и славно. Хотя этому тебя не придется учить.

– Кстати, а за что его убили? За то, что выделил крестьянам мало земли и оставил временнообязанными? Но мог ведь и вообще не освобождать!

– Добрый слишком был, вот и убили! – ответил Миша, поморщившись. – В каком это году было?

– В тысяча восемьсот... – Вера пошарила глазами по столу в поисках подсказки, но не нашла таковой. Пришлось вспомнить самостоятельно: – восемьдесят первом!

– Молодец. А что случилось дальше?

– Дальше... На трон взошел Николай II.

– Мадемуазель! Николай в то время был моложе вас! Соображайте!

– Разве... – Вера растерялась. – Разве Николай не был сыном Александра? Он же вроде Александрович?

– Николай был сыном Александра III! – закричал Михаил, возмущенный дремучестью ученицы.

– А-а... – только и смогла ответить девушка.

Миша, довольный очередной демонстрацией своего превосходства, смягчился и решил добавить:

– Кстати, Николашка в один день с тобой родился – 18 мая. Позовешь на день рождения?

Он был доволен тем, как сумничал, ожидал благосклонности и сильно удивился, когда Вера неожиданно помрачнела.

– Не будет никакого дня рождения! И нечего об этом вспоминать! – сказала девушка.

– Ты что, Вер?..

– А что слышал. Дня рождения не будет. Мне останется пятнадцать. Навсегда. Закроем эту тему.

– Да в чем дело? Что, родители гостей звать запрещают? Быть не может! Передумают, увидишь!

– Ничего не запрещают... Предлагают и настаивают даже, чтоб звала...

– Так что случилось-то?

– Да просто... Как-то грустно... Ладно, хватит, Миш. Похоже, я устала. Завтра встретимся.

Из дневника Веры Созоновой за 15 мая 2008 г.

«День так себе. На химии была лабораторная, и мой придурочный сосед по парте, как всегда, выкрутил горелку до такой степени, что огонь поднялся до самого потолка. Знает, что я боюсь, и поэтому специально так делает! Пришлось отсестать от него за другую парту. Естественно, мне же за это еще и досталось от химички: почему, мол, не работаю, сижу не там, где надо, и какая же я после этого отличница! Тьфу... Скорей бы закончился этот год...

На танцах тоже облом. Пришла туда, как дурочка, а администратор сказал, что занятие перенесли на завтра. В результате потеряла целый час.

Потом занимались с Мишей. Он, как всегда, умничал и выпендривался, а я, тоже как всегда, делала вид, что злюсь и что поражена его познаниями: ему это ужасно нравится. Все шло нормально, но вдруг он зачем-то не к месту ляпнул про мой день рождения. И тут снова нахлынуло... Чуть было не расплакалась при нем. А этот болван еще и допытываться начал, что меня такое расстроило!

Мама, конечно, говорит, что всему свое время. Но не очень-то легко жить на свете, когда у всех это время уже наступило, а у меня одной еще нет! Может быть, глупо расстраиваться из-за того, что у тебя нет парня в двенадцать или тринадцать, но ведь мне уже... Не хочется даже писать эту цифру – сколько мне уже лет. Кира первый раз поцеловалась в четырнадцать с половиной. Неужели я так сильно отличаюсь от нее?! Мы же почти на одно лицо.

Иногда мне кажется, что вторые половинки есть уже у всех, а для меня никого не осталось. Еще иногда – что обнимающиеся парочки на остановках смеются надо мной, когда я поворачиваюсь к ним задом. Разве это нормально – быть одинокой в моем возрасте? Кто еще без половинки? Карасева? Так она же умственно осталая! Фатиева? У этой строгие родители, живут по своим правилам: не разрешают ей встречаться с парнями, зато выдадут замуж, как только исполнится восемнадцать... Миша – подружка всеобщая? Ну разве что он. Хотя много ли я понимаю в этих делах? Может, он только так выглядит, а на самом деле у него есть девушка, просто он это не афиширует?

Тогда получается, что одна только я...

Ладно, заканчиваю писать, а то совсем раскисну и не усну...»

2

Рискованный план

Наверное, пора начинать? Что-то мало нас сегодня... Ну ладно, опоздавшие присоединятся.

Длинноволосая девушка в темно-синих спортивных штанах и короткой маечке того же цвета, завязанной под грудью, присела к магнитофону. Несколько манипуляций – и в спортзале заиграли барабаны и цимбалы, а через минуту к ним присоединился мужской голос. Вера уже выучила эту песню наизусть, хотя не понимала в ней ни слова и даже не знала, на каком она языке. Сегодня она впервые задумалась над этим вопросом и почему-то решила, что на турецком.

Минут десять, как обычно, разминали мышцы. Все: от пальцев на ногах до шеи. Потом преподавательница показала несложный танец, который к концу сегодняшнего занятия следовало повторить. Как всегда, не обошлось без фраз вроде «О нет, мне так не сделать!» или «Лучше я сразу пойду домой!».

Когда полгода назад Вера первый раз пришла в районный Дворец спорта на уроки танца живота, она, разумеется, тоже подумала, что ни за что в жизни не сможет сделать того, что показывает тренер, и, скорее всего, даже не переживет еще одно такое жуткое занятие. Впрочем, она благоразумно оставила эти соображения при себе. Через месяц девушка подумала, что, видимо, надежда все же есть, через два – что надежда есть определенно; через три месяца Веру впервые похвалили. А в последнее время она получала от танцев только удовольствие и приходила домой, наполненная энергией.

– Подтягиваем левое бедро. Потом лобок. Потом правое. Потом попу, – объясняла тренер. – Теперь все соединяем!

С этими словами она быстро завертела нижней частью туловища – так легко, словно эта часть была чем-то отдельным, самостоятельным, нечеловеческим и даже снабженным моторчиком.

– Это называется «тарелочка». Как будто бы тарелка крутится на полу! Так, а теперь попробуем присесть, не прекращая вращения...

Собственные движения, наблюдаемые Верой в зеркале, были вроде бы и правильными, но какими-то не такими. Впрочем, то, что демонстрировали другие «танцовщицы», заставляло уверовать в свои силы. Какая-то расфуфыренная старуха, на десяти пальцах которой блистало семь колец, а губы, окруженные капельками пота, были густо намазаны оранжевой помадой, демонстрировала сморщенный отвисший живот, пережаренный к тому же в солярии. Гламурная особа в розовом спортивном костюме, не преминувшая обзавестись обязательными сережкой в пупке и иероглифом на поясице, вместо бедер работала ногами. Растрепанная девчонка в вытянутых трениках смешно оттопыривала попу и бестолково вертела ей туда-сюда, не попадая ни в музыку, ни в предложенную тренером схему. Ужасно толстая, практически шарообразная тетенька выложила все свои силы на разминке и теперь могла только стоять, громко пыхтя. «Наверняка ходит сюда, чтобы похудеть», – подумала Вера.

Зачем она сама пошла в эту секцию, Вера толком не понимала: все получилось как-то само собой. Сестра посмотрела фильм про арабских танцовщиц и загорелась мыслью им уподобиться. Первые две недели она была в восторге от занятий, а по вечерам только и говорила, что о трясках, проходках, «ключках», «бочках», волнах и прочем тому подобном. Вера только что поссорилась с подругой, разочаровалась в прежних увлечениях, много скучала и отчаянно чувствовала необходимость перемен. Она поддалась на уговоры сестры и решила попробовать танцевать. Вскоре Кире надоели занятия, а Вера к ним прирастилась.

– Втягиваем верхнюю часть живота, а нижнюю выпускаем. Потом наоборот: выпускаем верхнюю, а нижнюю втягиваем! – говорила теперь тренер. – Разделите мысленно живот на две части! И представьте, что по нему катается шарик! Вот так...

Она водила кулаком по животу, а тот ходил волнами.

– Ой, кошмар какой! – сказала толстая.

Действительно кошмар. За полгода Вера научилась многому, но волны не давались ей никак. Мысли о шарике не помогали, никаких частей в ее животе не было – он оставался белым, круглым, цельным и мог или полностью надуваться, или втягиваться внутрь – опять же полностью. Оставалось ограничиваться этими немудреными движениями или, как особа в розовом, хитрить и задействовать поясницу, исполняя желанные волны всем корпусом.

– Ох, до чего же мы все тут неловкие! – сказала тренеру старуха со скомканным пузом после того, как «класс» в полном составе провалил попытку подняться из приседа, крутя «восьмерки» бедрами и грудью. – Вам, наверно, и смотреть-то на нас противно!

– Да ладно, это вам так кажется, – миролюбиво ответила преподавательница. – Вот придете домой, покажете мужу, чему научились, и он обалдеет от восторга. Или жениху. Или бойфренду. Точно-точно!

С Вериного лица мгновенно сползла улыбка. До конца занятия Созонова делала все движения через пень-колоду.

– По-о-одняли! Понесли!

Ухватив круглый стол с двух сторон, девушки перетащили его в центр комнаты.

– Тяжело, – сказала Вера.

– Вполне нормально.

– Ну конечно! Посмотри-ка на себя и на меня!

Кира была старше Веры всего на четыре года, но при этом выше ее на две головы и значительно шире в плечах: болтливая родня, заявлявшаяся по семейным праздникам, никогда не могла удержаться от реплики насчет того, что, дескать, сразу видно, какая дочка папина, а какая – мамина. Характеры девчонок всегда разительно отличались: Кира – резче, авантюрней, уверенней, расчетливей, а Вера – романтичнее и мягче. А вот черты лица у сестер были почти одинаковыми: серые глаза, круглые щечки с ямочками, небольшие заостренные носы. Различный цвет волос (младшая – светлая, старшая – темная) компенсировался одинаковой прической, так что девушки были скорее не противоположностями, а вариациями на одну тему.

– Смотри, – сказала Кира. – Если поставить его вот тут и раздвинуть, то спокойно войдет восемь стульев. А может, и девять.

– У нас только шесть.

– Мы попросим у Миши!

– Не знаю... Зачем эти глупости? Я не хочу дня рождения... Гостей не хочу... Да кого приглашать-то? Лучше пролежу весь день в постели и сделаю вид, что после семнадцатого числа сразу наступило девятнадцатое.

– Мдя...

– Что?

– До такой ерунды только ты у нас можешь додуматься!

Вера обиделась:

– Конечно, тебе легко рассуждать! У тебя к шестнадцати годам было все, что полагается иметь в этом возрасте! А я...

– А ты одна-одинешенька, самая-несчастливая-на-свете! «Никто меня не любит, никто не поцелует, уйду я на помойку, наемся червячков»! Верка, ты понимаешь, что, если сидеть сложа ручки и мотать сопли на кулак, ничего и не произойдет? Принцы сейчас на смотрины не ездят!

Надо отлавливать их собственноручно! Кстати, если поставить вон в тот конец, получится тоже неплохо! Ты сядешь вот сюда, и свет будет падать так... Ну-ка попробуем!

– Он же тяжелый...

– Давай поднимай, не ленись!

Стол переместился в другую точку комнаты.

– Мы так и будем таскать его туда-сюда до вечера? – плаксиво произнесла Вера.

– Господи, какой же ты нытик! Я просто хотела показать тебе возможные варианты оформления праздника, чтобы ты поняла, как это будет круто, и сразу же захотела его устроить! Ну представь: здесь сядет Коля... здесь Вадим... здесь Петя Лавриков...

– По-моему, это глупая идея – позвать ко мне восемь парней...

– Это почему это?

– Во-первых, потому что они сразу догадаются, зачем мне понадобились...

– Да? А как по-твоему, парень сможет тебя поцеловать, если он не будет знать, что ты этого хочешь? Думай головой, сестра!

– Во-вторых, я буду сидеть перед ними как дурочка...

– А сидеть одной под одеялом в день рождения – значит быть как умная? Ну-ну!

– И в-третьих, из этого ничего не выйдет.

– Ага! – Кирины глаза загорелись. – Ты и говоришь о том, что ничего не выйдет, с грустью! Значит, ты хочешь, чтобы мой план все-таки сработал! Отлично! Захотеть – это уже полдела!

Вера смутилась.

– Давай понесли стол обратно, – сказала она.

Стол вернулся на место, к окну.

– Ты только не бойся, – произнесла Кира, присев возле него. – Поначалу оно всегда страшно, но без этого никак! Через тернии – к звездам, как говорится. В начале тебе покажется, что это просто противно и мокро. Скажешь: «Фу, одни слюни»! А после...

– Ну хватит!

– И знаешь, что еще надо сделать? – увлеченно продолжала Кира, не обращая внимания на Верино возмущение. – Ты должна будешь состряпать все сама! Ну или хотя бы сказать, что сама. Особенно торт! Они, разумеется, похвалят. Это будет маленькое ненавязчивое ухаживание... Да ты сядь! Сядь и слушай меня!

Вера села.

– Ты будешь в сером платье с выпускного, поняла? И сходим к визажисту. Они не устоят! Если в компании много кавалеров и одна дама, ухаживать за ней начинают автоматически, ты уж поверь мне!

– Ладно, считай, что поверила...

– А в самый разгар праздника мы предложим им какую-нибудь игру! И призом будет...

– Нет, Кира! Это же... неприлично...

– Если стесняешься, можешь уйти в другую комнату. Я сама все проведу, хи-хи-хи! Ты будешь сидеть там с завязанными глазами, а мы здесь кинем жребий, и тот, кто выиграет, зайдет к тебе...

– И что? Выходит, я не буду знать, с кем целовалась?

– Ну а что? Прикольнo даже! Приключение такое! Ух! Сама не ожидала от себя, что смогу подобное выдумать!

– Но это же глупо... Я хочу поцеловаться с любимым, а не неизвестно с кем.

– Зато тебе будет что вспомнить на старости лет, Верка! И потом, откуда ты знаешь: может быть, этот неизвестно кто однажды станет любимым? А любимый окажется совсем не тем, кем тебе казался!

– Как у Пушкина... «Метель»... – сказала Вера. – Где вслепую поженились...

– Ты согласна! – констатировала Кира с удовольствием.

В дверь позвонили.

– Вот уже и Миша пришел. Сейчас посоветуемся с ним насчет твоего праздника. Уверена, что он одобрит мой план!

Не дожидаясь реакции младшей, старшая сестра отправилась открывать.

Из дневника Веры Созоновой за 16 мая 2008 г.

«Весь вечер думала о глупой авантюре, которую предложила мне Кира: позвать на день рождения одних только парней, изо всех сил их очаровывать, а потом поцеловаться с тем, кто выиграет игру или вытянет жребий. Еще Кира предлагает, чтобы я была с завязанными глазами и не знала, с кем целуюсь. Это, конечно, интересно, но главным образом – страшно. Додумалась до того, что представила, как мне понравится этот поцелуй и как я буду искать его «автора» – целоваться со всеми подряд, кто был на празднике. Бр-р-р! Чего только в голову не придет...

Согласиться или нет? Кира думает, что я сомневаюсь просто потому, что еще ни разу не целовалась и боюсь, но дело не в этом. В другой раз, может, и было бы интересно позвать к себе восемь парней и быть в центре их внимания. Но мне-то нужен только один! Кира не знает, что я хочу не просто поцеловаться, а поцеловаться с НИМ! И до чего же глупо получилось, когда он пришел заниматься со мной, а сестра начала грузить его своим планом, как будто он девчонка, а не парень! Кира никогда не поверит, что я влюблена в Мишу, наверное, еще и обсмеет... А мне вечно нравятся не те, кем принято увлекаться.

Да, именно не те. Вернее, не тот. Ведь Миша одобрил план, а это значит, он ко мне совершенно равнодушен, ему все равно, с кем я буду целоваться. Наверно, у него действительно есть девушка, а я, дура, хочу верить в обратное. Зачем тогда продолжать о нем мечтать? Надо слушаться сестру...»

3

Хуже не придумаешь

Девять персон помещались за столом не без труда: особенно после закуски, горячего, торта и фруктов. К тому времени, как пошел пятый час празднества, Вера наконец начала держаться более-менее уверенно. Ее приглашенные «кавалеры», еще с утра интересовавшиеся окружающим миром, наоборот, размякли, разбухли, растеклись, развалились на стульях и перестали реагировать на раздражители, сосредоточив все свои силы на пищеварении. По преимуществу это были Кирины приятели: звать одноклассников Вера стеснялась, не хотела сплетен, да и парни постарше нравились ей намного больше, чем ровесники. Поначалу, воодушевленные стеснительностью и неуверенностью именинницы, гости хорохорились и юморили, но еда постепенно сделала их похожими на мешки с картошкой. Некоторую подвижность сохранял один только Михаил, приглашенный из вежливости, в качестве хозяина стульев. Кира вертелась вокруг стола, выполняя одновременно роли официанта и массовика-затейника.

– Мальчики, а не сыграть ли нам во что-нибудь? – кокетливо предложила она (надо заметить, уже в третий раз).

– Подожди, Кир! – взволнованно прервала ее именинница, знавшая, к чему должна привести игра. – Успеет еще! Еще торт, вон гляди, не доели!

– Мальчики, кушайте торт! – согласилась сестра. – Вань, смотри, ты уже все съел. Может, добавки? Мы сами пекли!

– Не «мы сами», а Кира! – воскликнула Вера, смутившись.

Обман любого рода был ей противен, даже если дело казалось мелочей вроде списывания на контрольных или необоснованного хвастовства.

– Не прибедняйся! Мы делали вместе!

– Не слушайте, парни! Все делала Кира, а я только мыла посуду...

– Молодец, Кирка! – выкрикнул один из гостей.

– Сразу видно, что с любовью сделано! – заявил второй.

– И со страстью! – ляпнул третий.

Все чему-то засмеялись.

– Кстати, «торт» происходит от итальянского слова «причудливый», «замысловатый», – зачем-то сказал Михаил, но на него никто не обратил внимания.

Сестры поняли, что надо менять тему.

– Может, потанцуем? – снова взяла на себя инициативу старшая.

– Дам не хватает! – пожаловался занятый добавкой Ваня. Ввиду того, что рот его был набит тортом, фраза прозвучала как «Вам ве вафаеф».

– Было бы желание, парни, было бы желание! – Кира уже рылась на полке в поисках подходящего диска. – Кто-нибудь танго умеет?

Умеющих не нашлось. Только Михаил зачем-то вставил:

– Кстати, танец танго родился в бедных районах Буэнос-Айреса в конце XIX века...

– Или все-таки поиграем? – не унималась Кира.

– Игривая ты наша! – брякнул кто-то.

– Кира, ну хватит уже об одном и том же! – взмолилась Вера. – Дай людям поесть спокойно! Миш, добавки хочешь? Не стесняйся! А ты, Ваня? Тоже не стесняйся! Возьми третий кусочек, бог троюшку любит! А ты... извини, опять забыла, как зовут...

В комнате заиграл медляк.

– Кавалеры приглашают дам, дамы им не отказывают! – выдала Кира фразу из какого-то фильма.

Она кокетничала изо всех сил, стараясь компенсировать стеснительность сестры, но гости никак не желали подниматься с мест: то ли настолько отяжелели, то ли смущались из-за малого количества партнерш и уступали их друг другу из мужской солидарности. Пришлось Кире взять на себя роль аниматора: схватить за руку оказавшегося рядом «кавалера», стащить его со стула и начать топтаться по ковру в обнимку с ним. Три минуты, которые длился танец, оставшаяся за столом компания сидела молча, пораженная смущением и чувством крайней нелепости происходящего.

– Это сколько ж ментов родилось! {Когда в компании все неожиданно замолкают, принято говорить «ангел пролетел», а иногда – «милиционер родился».} – прервал тишину выпущенный из лап Киры партнер. – А мы тут неплохо размялись, теперь можно еще чайку!

– Ну народ! Будем танцевать или будем киснуть? – раздраженно спросила Кира. – Колька, слышь? Отрывайся от стула!

Второй танец, равно как и первый, состоялся лишь для одной пары. Только на третью мелодию, когда, перед тем как пригласить Ваню, Кира оглядела всех собравшихся, особенно сестру, свирепым взглядом, Миша решился подойти к имениннице, и они закачались под пение Селин Дион.

– Такого дурацкого дня рождения у меня не было никогда в жизни! – жалобно прошептала Вера. – И ведь чувствовала, чувствовала, что не надо ничего устраивать!

– Да, как-то не очень удачно все складывается... – ответил Михаил.

– Спасибо, что хоть пригласил! А то все эти «танцы» для одной пары были сплошным идиотизмом! Я думала, провалюсь от стыда!

– А я вот заметил, что ты начинаешь проваливаться, и решил прийти на помощь!

– Ты настоящий друг...

– Главное, будь смелее! Может, еще все удастся? – Михаил подмигнул. – В случае чего я помогу!

– Поможешь? Чем?

– Намекну тому, кого ты выберешь, что надо поцеловать тебя.

По окончании третьего танца Вера засобиравшись на кухню – ставить чайник.

– Какой еще чайник!? – недовольно воскликнула сестра. – Именинница не должна никого обслуживать! Правда ведь, Миша?

Миша понял намек и отчалил на кухню.

– Ну вы тут пейте чай, а мне, пожалуй, пора, – неожиданно сказал один из гостей.

– Да и я, пожалуй, пойду, – добавил его сосед.

– Никаких пойду! Сначала мы поиграем! – объявила Кира стальным голосом. – И возражения не принимаются!

«Сейчас или никогда, – поняла именинница. – Немедленно, иначе они разбегутся!».

– Шахматы? Шашки? Чапаев? Лото? Домино? Викторина? Карты? – спрашивала распорядительница праздника.

Из коридора высунулась голова Михаила:

– Кстати сказать, – заявила она. – Игральные карты родом из Китая, а в средневековой Европе их называли «молитвенником дьявола». А первые масти были не те, к которым мы привыкли, а мечи, кубки, монеты и жезлы...

– У ы фто? – спросил Ваня, жующий четвертый кусок.

– Да так... Ничего, – миролюбиво ответил ему Михаил.

– Вот ы ны уфныфай! Уфный выфолфа!

– Вань, Вань, ну не надо! Он не умничает! Он про это говорит, потому что ему интересно! – заволновалась Вера.

– А мне неинтересно! – зашумел Иван, кончив жевать.

Именинница тут же шлепнула ему на тарелку пятый кусок торта, чтобы он поскорее занял рот и замолчал.

– В карты – так в карты! – объявила Кира. – Только сначала надо решить, на что.

– Денег нет! – заявили из-за стола.

– Раздеваться не буду! – прибавился другой голос. – У меня трусы некрасивые!

– Сейчас предложат на желание, смухлюют, выиграют и закажут какое-нибудь невозможное безобразие! – поддержал третий гость. – Знаю я этих девчонок!

– Может, на торт сыграем? – предложил Ваня. – Если выиграю, то унесу домой все, что от него осталось!

– Да ладно вам, парни, что вы глупости говорите! – развязно вклинился Миша, забыв о том, что он младший в компании. – Вон какие тут девчонки красивые сидят, а вы не знаете, на что играть! На поцелуй надо, на поцелуй! Мы играем с вами десять конов и тот, кто будет лучшим по итогу, получает право поцеловать именинницу... если она не против.

Вера сидела вся красная как помидор. Сказать, что она не против, было бы ложью, сказать, что против – означало испортить план сестры и сделать напрасными столькие мучения. Оставалось только молчать.

– Молчание – знак согласия, – сказал Миша. – В дурачка, да?

Парни начали играть.

Десять конов обещали занять как минимум час времени, и Вере совершенно не улыбалось сидеть и наблюдать за игрой все это время.

– Я пока выйду, освежусь, – сообщила она.

Выбралась из-за стола, дошла до туалета, умылась. Потом долго рассматривала в зеркале свои губы, которым остался час быть нецелованными, и гадала, станут ли они после поцелуя выглядеть по-другому.

Когда Вера возвратилась в комнату, то увидела там Колю, обхватившего за талию сестру.

– Эй, не тот, кто первый выйдет, а тот, кто по итогам десяти конов! – воскликнул Михаил. – И не Киру, а Веру!

– Отстань, зануда! Кирка, пошли, выйдем! – сказал Коля и утащил сестру в коридор.

Остальные бросили игру и засобирались домой. Через десять минут, кроме Веры, в комнате остались только Миша, собиравший посуду, и Ваня, заворачивавший шестой кусок торта в салфетку.

В десять вечера Киры, отправившейся гулять с выигравшем неизвестно чей поцелуй Николаем, еще не было. За время ее отсутствия Вера получила возможность вволю поплакать в общей комнате сестер. К тому времени, как раздался звонок в дверь, слезы уже высохли, но лицо все еще оставалось красным и распухшим.

– Нагулялась! – буркнула Вера, слезая с кровати и отправляясь открывать. – Сейчас мне еще и выговаривать будет... Кто там?

– Сосед пришел к вам, барышня! – раздался Мишин голос.

Именинница открыла.

Михаил взглянул на нее по-деловому и еще более самоуверенно, чем обычно.

– Родители уже дома? – поинтересовался «историк».

– До одиннадцати у бабушки, – грустно ответила Вера, словно жалуясь, что праздник мог бы до сих пор продолжаться, будь он по-нормальному организован.

– В таком случае разрешите войти. Есть конфиденциальный разговор!

Девушка послушно отступила.

Они расположились на привычных местах учителя и ученицы.

– Плакала?

– А то не заметно...

- Не умеешь ты оболящать, Верка! – констатировал Михаил с умным видом.
- Небось без тебя знаю. Умничать пришел, да? Мало на тебя сегодня Ваня наезжал?!
- Не злитесь, барышня. Вам нервы – не идут! Лучше послушайте меня.
- Чего тебя слушать-то?
- А того. Я тут подумал и понял: тебе нужен тренинг!
- Какой еще тренинг?
- Такой. Поскольку ты с парнями не общалась, опыта не имеешь, в их присутствии теряешься и нужных слов не находишь, с тобой нужно попрактиковаться. Собственно, я в качестве соседа, друга и репетитора готов данную услугу предоставить. Совершенно бесплатно! – последние слова Миша произнес особенно торжественно и важно.
- Будешь поучать меня? Ну-ну.
- Зачем же поучать? Никакой теории, одна практика. Практический опыт на словах не передается, так-то, барышня! Пригласите меня куда-нибудь, встретимся с вами, пройдемся, так сказать, туда-сюда, а вы при этом будете вести себя так, как будто бы влюблены в меня по уши: заигрывать там, глазки строить всякие... Ну все как полагается. А после разберем. Анализ сделаем.
- Какой еще анализ?
- Ну анализ поведения твоего. Ошибки, то есть, выясним.
- И что потом? Работу над ошибками?
- А как же! Ты не бойся: пара тренингов – и склеишь кого хочешь. Все мальчишки твои будут!
- Скажешь тоже...
- Вот скажу! Сама потом увидишь. Ну так что?
- Ну...
- Вижу, ты согласна! Значит, завтра?
- Э-э...
- Завтра. Решено!
- Миш... ты меня пугаешь!
- Не пугайтесь, мадемуазель, все будет хорошо! Я же свой, я же все понимаю. Нормальная дружеская услуга, все так делают... Так куда я приглашен завтра?
- Ну... – в Вериных глазах запрыгали чертики. – Вообще-то, завтра я собиралась на небольшой шмоткинг. Может, прошвырнешься со мной по магазинам? Я буду все примерять, а ты – смотреть и говорить, идет или нет. Дорогой и попрактикуемся.
- Чего ж... Это можно, – сказал Михаил. – Я, конечно, рассчитывал на что-нибудь другое, ну да ладно. Там видно будет. Значит, договорились?
- Типа того.
- Вот и славно. Вы только отоспитесь хорошенько перед свиданием и утром марафет наведите! Чтобы все как по-настоящему! Ну и платье какое-нибудь... того-этого... Не затрапезное.
- Без тебя разберусь! – Вера фыркнула. – Умный нашелся...
- Да вы не нервничайте, барышня, не нервничайте! Вам, знаете ли, нервы и правда не идут. Цвет лица портят. И помните, что все у вас получится. Вот у моей девушки, например, тоже сначала не выходило. А теперь она такая – у-у-у!.. Вообще-е-е-е!...

Из дневника Веры Созоновой за 18 мая 2008 г.

«Похоже, это худший день в моей жизни. Кирина затея с поцелуем провалилась: я просидела кучу времени среди малознакомых парней, ужасно стесняясь, не зная, о чем с ними говорить, и видя, что им скучно. А Кира так усердно кокетничала, что они решили, будто весь

праздник устроен для нее и ради нее, а я – только необязательная декорация. В результате выигравший игру парень поцеловал ее, а не меня. По правде говоря, это не так уж и плохо: он не очень-то симпатичный. После застолья Кира отправилась с ним гулять и вернулась в одиннадцатом часу, страшно довольная. Я спросила, не был ли мой ДР просто предлогом для того, чтобы она смогла привести домой своих дружков и развлекаться тут с ними. Она в ответ закричала, что я сама виновата и что, если бы я вела себя активнее, ей не пришлось бы так откровенно заигрывать с парнями. Если бы не я, говорит, они бы у тебя уснули все. Или, говорит, через час разбежались бы. Я, говорит, на романтический лад их настроила, а ты, бестолочь, даже воспользоваться этим не смогла. В общем, поссорились.

Вечером пришел Миша и заявил, что хочет провести со мной тренинг по флирту, выступить в качестве подопытного кролика, псевдокавалера. Я, дурочка, страшно обрадовалась: думала, он таким оригинальным образом приглашает меня на настоящее свидание. Ха-ха! Наивная! В конце Миша оговорился, что у него есть девушка. Чего он добивается, в таком случае? Может быть, действительно хочет по-дружески научить меня общаться с парнями? Ну а что, занес же он нам шкаф... От такого чудика всего можно ожидать. Вывод один: мне с ним ничего не светит. Миша может быть только подружкой. Тем более что на празднике он сам признался, что пригласил меня танцевать только из жалости. Потом еще сказал, что готов помочь с реализацией плана. Я думала, он предложит поцеловать меня... Дурочка великовозрастная!!!

В общем, получается, что в один день я и состарилась, и праздник себе испортила, и с сестрой поссорилась, и на взаимность Миши последнюю надежду потеряла.

И ничего мне впереди не светит».

4

Мишины уроки

– Зайдем сюда еще раз, ладно, Миша?

– Как?! Опять?!

– Я должна еще раз померить те кремовые штанишки...

– Но ведь ты мерила их уже два раза! Сколько можно, в конце концов!?

– В те разы у меня еще не было маечки. Надо проверить, как с ней. Ну пошли, Миш!..

Вера схватила своего «тренера» за рукав и поволокла вдоль рядов одинаковых прозрачных магазинчиков большого торгового центра.

– Штанишки не здесь... – огорченно произнесла она спустя минуту. – А ты не помнишь, где они были?

– Я уже не помню, где мы сами, – буркнул Миша. – Тут все одинаковое. Ходим уже пять часов. У меня вся ориентация сбилась и ноги болят! Сейчас усну на ходу!

– Не ругайся. Ты сам согласился, – ответила Вера.

– Ну сам...

– Вот теперь и не жалуйся. Ой!.. Посмотри-ка, какие здесь туфельки!

Вера припала к витрине.

– Ужас какой, – сказал Миша. – Мне прямо страшно делается, когда ты так смотришь на это барахло. Кажется, сейчас начнешь облизывать...

– Не носи ерунды! Если тебе так хочется болтать глупости, то болтай глупости про свою историю, как ты это обычно делаешь... Давай-ка зайдем сюда.

– Вообще-то, про историю я болтаю умности обычно. А тебе надо купить вот эти! О! Гляди!

Михаил ткнул пальцем в зеленовато-розовые, разукрашенные цветочками кеды на шпильках.

– В таких галошах Киркины пацаны перед тобой точно не устоят! Коля сразу же целоваться полезет, а Ваня вообще тортом подавится, как только увидит! Хи-хи! – сострил «тренер», за что сразу же получил тычок, почему-то развеселивший его еще больше.

Примечательно, что смеялся Миша, обычно так любящий подколы, впервые за всю прогулку. С утра он зашел за Верой с таким лицом, как будто собирался с ней не в магазин, а на похороны. Погода не способствовала улучшению настроения: всю ночь шел дождь, температура упала до плюс десяти, а холодный ветер советовал забыть о грядущем лете. За первые же пятнадцать минут прогулки Миша вывозил по колено свои штаны и стал еще более кислым. Потом машина, больше похожая на катер, рассекающий морскую гладь, украсила его и без того непрезентабельную куртку черными крапинками. «Тренер» размазал их по спине и рукавам, но красивее от этого не стал. После этого, в течение часового путешествия в автобусе до центра, он хранил молчание. Только раз отрыв рот: сказать, что здание за окном, по-видимому, относится к XVIII веку и в нем теоретически могли останавливаться декабристы на пути в Сибирь. Вера благосклонно кивнула, но предложенную тему беседы поддержать не смогла.

Затем началось хождение по магазинам. Поначалу (на протяжении трех-пяти первых примерок) Миша держался бодрячком и даже высказывал кое-какие дельные соображения по поводу кандидатов в Верины наряды. Потом он утомился и на любые вопросы начал отвечать «Да, идет», «Да, красиво», «Конечно, бери». Во время десятой примерки он неожиданно выдал дурацкий вопрос: «А чем тебя, собственно, не устраивает существующий гардероб?» Получив подробный ответ, снабженный многочисленными и неопровержимыми аргументами, «тренер» сник и стал тоскливо смотреть по сторонам, печально провожая взглядом каждую скамейку

и каждый указатель выхода. Видя, что обычно лидирующий Миша сдает позиции, Вера взяла власть в свои руки и объявила, что план по закупке одежды будет выполнен во что бы то ни стало. Парень терпел еще час. Потом он окончательно раскапризничался, начал проситься в туалет, в ларек, в кафе, на улицу и совершил несколько попыток смыться. Сжалившаяся ученица согласилась на небольшой привал: они взяли по мороженому и устроились на скамейке. Казалось бы, для тренинга по флирту пришло самое время!.. Но нет. По странной случайности Вера и Миша оказались сидящими на разных концах скамейки, глядящими в разные стороны и имеющими весьма независимый, как бы заранее отвергающий любые заигрывания вид. Закончив трапезу, они оправились искать бежевые штанишки. Об изначальной цели встречи за пять часов так и не было упомянуто ни одной из сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.